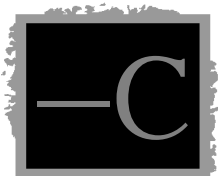

Людам рядом с нами больше всего нужна просто доброта.
(Из дневников императрицы
Александры Федоровны)

Глава 1

13 июля 2017 г. Санкт-Петербург

— Слушай, Крот, давай, не тяни, место хоть и глухое, но если засидимся, и почикать могут. — Тихим хриплым голосом торопил стоящий на краю ямы Лысый.

— Да, погоди ты, тут еще более свежее захоронение. Посвети.

— Ну что, есть что-нибудь?

— Погоди, работаю. — Крот в перчатках с фонариком и кисточкой рылся в развороченном склепе. — Видно, семейство в революцию не вымерло, раз такие поздние захоронения есть. Слушай, здесь каменная плита, надо бы ее приподнять, наверняка основная камера под нею, — наклоняясь к земле, проговорил Крот. — Хитрые были, глубоко хоронили, потому, наверное, и не разграбили красножопые после революции. Хотя мне тут бабулька одна рассказывала, что еще до революции об этом кладбище скверные слухи ходили, про живых мертвецов, что по ночам из могил вылазят и по кладбищу дозором ходят. Может, еще и поэтому не разграбили. Короче, молодцы Щербатовы, позаботились о нас, грешных.

— А ты уверен, что это все брехня, насчет мертвецов? — не спеша лезть в яму, спросил Лысый.

— Слышь, ты что-то очень нервный стал для человека, который не первый год чужие могилы грабит. — Крот вылез из ямы. — Приступай давай, а то время идет.

Лысый погладил бритую под ноль шишковатую макушку, прихватил лом и спрыгнул в яму.

— Тяжелая, сволочь. Лежит так плотно, что и не зацепиться. — Он пыхтел около получаса, пока наконец проклятая плита с места не сдвинулась; кое-как отодвинув ее в сторону, он, отдуваясь, вылез из ямы. — Давай, твоя очередь, — доставая из рюкзака бутылку с водой, пропыхтел он.

Покойников Лысый до сих пор побаивался, а потому непосредственная процедура изъятия ценностей всегда ложилась на Крота. Но он и не спорил, считая, что так оно надежнее. Крот был не брезглив, прагматичен и недоверчив. Всякие там рассказы о живых мертвецах не вызывали у него ничего, кроме презрительной улыбки. Крот был закоренелым, убежденным атеистом. Причем не по воспитанию, а по сути своей. А еще у него было совершенно не развито воображение, что ему крайне мешало в школе при написании сочинений, но очень помогало в его нынешних занятиях.

— Тесновато тут, — пролезая в отверстие под плитой, пожаловался Крот.

— Да и хрен с ним, — отмахнулся Лысый. — Есть там что стоящее?

Он нетерпеливо топтался на краю ямы. Хоть склеп и находился в заросшем сиренью и черемухой заброшенном конце кладбища, он все равно нервничал:

поселок, на краю которого находились руины старой развалившейся барской усадьбы графов Щербатовых, был крупным, как раньше говорили, городского типа. Тут тебе и молодежь, и пьяницы, и леший знает, кого еще не дай бог нелегкая принесет. А еще справа ферма, а на ней наверняка сторож имеется. Шансов, конечно, мало, что его ночью на кладбище понесет, но все же, кто знает? Если понесет, финал известно какой — скандал и вызов полиции, а Лысый не любил ни скандалов, ни полиции. С последней, как правило, договориться всегда удавалось, но иногда выходило накладно. Окупятся их с Кротом старания или нет, еще неизвестно, а ментам что? Они не процент с дохода берут, а просто мзду. Вот и нервничал Лысый на краю ямы.

— Ну?

— Ну, ну. Сам хочешь слазить? — огрызнулся снизу Крот, изучая при свете фонаря содержимое склепа.

— Нет.

И компаньоны замолчали. Какое-то время было слышно только тихое шебуршение Крота в яме, шелест листвы, скрип старых деревьев, на свежем ночном ветерке несколько раз тревожно вскрикнула ночная птица, а еще неведомые шепоты и вздохи носились по старому кладбищу, заставляя Лысого пугливо ежиться и втягивать бритую голову в широкие покатые плечи.

— Не иначе покойники стонут. Ругаются, что потревожили, — пугливо шептал он себе под нос, боясь оглянуться на едва уловимый шорох за спиной.

— Крот, ты скоро уже? — едва справляясь с голосом, тихонько позвал Лысый.

— Лезу уже, не психуй, — выбрасывая на край раскопа полотняный мешок, затянутый на веревочку, вроде школьной сменки, проворчал Крот. — Давай задвинь плиту, закидай по-быстренькому яму, и валим.

— Да ну ее к лешему, — отмахнулся Лысый, берясь за мешок.

— Не ну ее, а закидай. Мы тут с тобой не один день крутились, может, кто запомнил. Мне лишние неприятности не нужны, — забирая у Лысого мешок, распорядился Крот.

Он был в их дуэте главным. Разыскивал захоронения, собирал информацию, разведывал, что да как, и сбывал добычу. А Лысый был тягловой силой. Работали семьдесят на тридцать. Но в последнее время Лысый стал лениться, жадничать, и между компаньонами уже несколько раз вспыхивали ссоры. Пока что Кроту удавалось призвать Лысого к порядку, но о будущем их взаимоотношений он задумывался все чаще.

Лысый, скинув куртку, энергично махал лопатой, а Крот, устроившись тут же на складном стуле — он уважал в работе хотя бы минимальный комфорт, раскладывал на мешке добычу.

— Ну чего там? Стоящее что-нибудь есть? — отрываясь от работы, спросил Лысый компаньона.

— Несколько орденов, перстни, крестики, коронки, медальон, пока не открывал, пуговицы, несколько колец, запонки, серебряные пряжки. Из интересного — ордена и печатка с родовым гербом. За них можно неплохо выручить, — не спеша перечислил Крот, не забывая поглядывать по сторонам. — Ты давай не отвлекайся. Время — деньги.

— Здорово, — входя в прихожую, протянул руку Крот.

— Здорово. Как съездили? Что-то интересное попало? — провожая гостя в комнату, поинтересовался Кирилл.

Крота он знал давно, еще в то время, когда тот был просто Виталькой Кротовым и учился с ним в одном классе. Тогда они приятелями не были, слишком уж разные у них были характеры и интересы. Виталька — спортсмен и хулиган, а Кирилл — интеллигент и эстет, хотя и не рохля, спортом тоже занимался, но не карате, а модным теннисом. Оба пользовались успехом у девочек и на этой почве даже соперничали. Но все это было давно, до девятого класса. Потом Кирилл перешел в гимназию. А встретились вновь они уже много позже, случайно, разговорились. Виталий, узнав, что Кирилл стал кандидатом исторических наук, попросил его взглянуть на одну вещицу. Так и потянулось. Кирилл даже сферу своих исторических интересов поменял, сдвинувшись с века шестнадцатого в девятнадцатый, поскольку наиболее интересные находки Крота относились именно к этой эпохе, и даже прослушал курс атрибуции и экспертизы культурных ценностей. Крупным специалистом он, конечно, не стал, но его оценки найденных Кротом вещей становились все увереннее и профессиональнее. К тому же кроме обычного профессионального интереса это занятие приносило неплохой доход. А иногда даже процент от прибыли. У Кирилла имелись знакомые коллекционеры, и некоторые особенно интересные вещицы он продавал сам.

— Да в общем и целом улов неплох, — не без гордости проговорил Крот, входя в комнату и усаживаясь возле рабочего стола Кирилла.

— Чистил?

— Промыл слегка, — пожал плечами Крот. — Так, от земли сполоснул.

Кирилл убрал со стола бумаги, постелил одноразовую клеенку и кивком головы велел Кроту выкладывать на стол его находки.

— Действительно, богатый улов. Где это вы так поживились? — сказал, надевая перчатки, Кирилл.

Он был очень брезглив, и никакая любовь к истории этого изменить не могла.

— Так тебе и расскажи, — ухмыльнулся Крот, их отношения не грешили излишней близостью и доверительностью.

Пока Кирилл изучал добычу, Крот от скуки поглядывал в окно. Кирилл жил в шикарном месте, на углу Итальянской улицы и канала Грибоедова. Из окна его кабинета был виден Спас на Крови, а из окон гостиной — Казанский собор и Дом книги. Местечко было крутое. Кроту такое и не снилось, он проживал скромненько, в спальном районе, в типовой трешке с родителями. Точнее, в последнее время он снимал скромную однушку неподалеку от родичей, но о своей квартире пока только мечтал.

— В общем, так. Насчет этих вещичек я похлопочу, — откладывая в сторону ордена и печатку, проговорил Кирилл. — Остальное сам. Вот тут я тебе свои комментарии набросал, — вытаскивая из принтера листок, пояснял кандидат наук. — А насчет этого медальона... можешь оставить на пару дней?

Крот приподнял брови.

— Особой ценности он не представляет. Определенно работа начала двадцатого века. Есть клеймо мастера. «Зефтинген Леопольд». Фирма солидная, по-

ставщики Двора Его Величества, но вещь сама по себе рядовая. Внутри есть монограмма, предположительно, владелицы, — лениво пояснял Кирилл, вертя в пальцах безделушку. — Хотел попробовать выяснить, кто такая изображена на снимке, может, удастся какую-нибудь историйку раскопать.

— Ладно. До понедельника можешь оставить, — после короткого раздумья разрешил Крот.

— Давай до среды, у меня еще дела перед отпуском... — неопределенно взмахнул рукой Кирилл.

— Ладно. До среды.

Закрыв за Кротом дверь, Кирилл вернулся в кабинет и нетерпеливо взял со стола медальон. Овальный, в идеальном состоянии, ни единой царапины, на толстой витой золотой цепочке. Внутри медальона была помещена маленькая черно-белая фотография. Юная девушка с пушистыми волосами ласково смотрела на него с печальной полуулыбкой. Кирилл был практически уверен в том, что знает эту девушку. И инициалы на крышке медальона «МР». Ошибки быть не могло. Но все же Кирилл, бережно положив на стол медальон, подошел к книжному шкафу и, пробежавшись глазами по полкам, извлек оттуда массивный тяжелый том. «Династия Романовых». Пролистав наспех большую часть, он добрался до иллюстраций. В отличие от большинства современников Кирилл все еще доверял книгам больше, чем интернету. Вот та самая фотография. Тот же ракурс, то же выражение глаз, то же платье. Великая княжна Мария Николаевна Романова, дочь последнего российского императора.

Кирилл опустился в кресло и глубоко задумался. Потом достал из ящика стола небольшую коробоч-

ку и положил туда медальон, затем вновь расстелил клеенку, надел перчатки и достал из другого ящика большую картонную коробку, в которую сложил добытые Кротом ценности.

На очистку и дезинфекцию ушло какое-то время. Но Кирилл терпеливо и дотошно выполнил все необходимое, стараясь отгонять от себя мысли, где именно еще совсем недавно хранились эти предметы. А затем приступил к их внимательному изучению.

Увы, ничего стоящего, никаких монограмм, никаких намеков на владельцев изучение орденов Святого Андрея Первозванного, Святой Анны и Святого Владимира первой степени не дало, впрочем как и звезды Белого Орла. Значит, все же придется обращаться к Кроту. Тот, конечно, всего не расскажет, но кое-какую информацию из него выудить можно.

— Крот? Это я. Появился интерес к вещам, но нужны подробности. Скинь все даты и фамилии, которые были на могиле. — Кирилл давно уже приучил Крота снимать все возможные данные с захоронения, даты, имена, фамилии, иногда такие детали помогали датировать вещи, а иногда поднимали цену предметов.

Место захоронения Крот ни за что не сообщит, а вот эту информацию должен.

— Не так много там и можно было разобрать, — неохотно проговорил Крот. — Склеп графов Щербатовых. Давай я тебе скину по инету все, что разобрать удалось, только часа через три, не раньше, у меня еще дела сегодня.

Пришлось согласиться. А пока Крот занимался своими делами, Кирилл решил поинтересоваться семейством графов Щербатовых. Так, для общего

развития, чтобы время быстрее шло, ну и для дела, разумеется.

Информацию Крот скинул. Тут были фотографии склепа и переписанные им самим имена и даты. Судя по состоянию склепа, Кроту пришлось поработать, чтобы хоть что-то разобрать. Даты восемнадцатого и девятнадцатого веков Кирилла не заинтересовали. Заинтересовали две последние. «А.С. Щербатова (в девичестве Плещеева) 1912–1997», и вторая более поздняя надпись «Дмитрий Евгеньевич Щербатов 1935–2006».

«Кто же вы такие? И как к вам медальон попал?» — размышлял Кирилл, глядя на имена и годы жизни и смерти.

Он увлеченно рылся в компьютере, пытаясь разыскать хоть какие-то упоминания об этих людях в доступных ему архивах и документах, пока звонок в дверь не вырвал его из исследовательской эйфории.

— Настасья? — Кирилл нервно взглянул на часы: неужели так увлекся, что забыл о встрече? Но, во-первых, Настино лицо было безмятежно, а во-вторых, часы показывали только восемь.

— Сюрприз! — целуя его в щеку и проскальзывая в квартиру, сообщила Настя и, не снимая туфель, направилась напрямик в кабинет. — Какая миленькая штучка. — Коробку с орденами Кирилл уже успел убрать, но медальон по-прежнему лежал на столе, и теперь Настя, взяв его в руки, не спеша и с интересом разглядывала. — А внутри что?

— Фотография великой княжны Марии Николаевны, — мягко забирая вещь у Насти, пояснил Кирилл.

— Твой?

— Нет, Крот дал на время, хочет проследить историю, — пояснил Кирилл, собираясь спрятать медальон в стол. — Завтра заберет, — добавил он на всякий случай, испугавшись, что Настасья может пожелать его себе в подарок или хотя бы на время.

— Княжна, говоришь? Дай еще раз посмотрю. — И Настя, отобрав медальон, уселась за его рабочий стол, внимательно рассматривая вещь. — М.Р., — прочитала она монограмму. — Простенький какой. Впрочем, они же любили простоту и скромность, как свидетельствуют фотографии и мемуары. Ладно, забирай. Надеюсь, ты не забыл, какой сегодня день? — расположившись в рабочем кресле, как на троне, с царственным видом спросила Анастасия.

— Ну что вы, сударыня, — с театральным поклоном ответил Кирилл. — Правда, я планировал поздравить вас в более торжественной обстановке.

— А я желаю быть поздравленной немедленно, — капризно заявила девушка.

— В таком случае, сударыня, вам придется подождать.

Кирилл вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь. Хорошо жить в центре города, подумал он, набирая номер цветочного магазина внизу.

— Девушка, мне двадцать пять крупных красных роз, очень свежих и очень красивых, в стильной упаковке с доставкой на четвертый этаж. Срочно! Вам за это отдельные чаевые, — обворожительным тоном промурлыкал Кирилл.

Через десять минут он вошел в кабинет, где скупала Анастасия, в костюме, с букетом и, выудив из ящика стола бархатную коробочку с кулоном из белого золота, преподнес подарок капризной принцессе.

— М-м! Какая прелесть! — прикладывая к груди кулон, воскликнула Настя и, бросившись Кириллу на шею, едва его не задушила. — Ну что, идем праздновать? Кстати, я сегодня у тебя останусь, в доме полно гостей, родители, как обычно, назвали целый табун родственников, поэтому я, собственно, и сбегала, ненавижу эти старперские посиделки. — Настя скривила хорошенькие пухленькие губки. — Настенька сю-сю-сю, умница-красавица, жениха тебе хорошего...

— Ты бы вполне могла сказать, что таковой уже имеется, — с шутивным укором проговорил Кирилл.

Строго говоря, предложение Насте он еще не делал, но к перспективе женитьбы в ближайшем обозримом будущем относился спокойно. Двадцать девять лет вполне подходящий возраст. С Настей они были вместе уже почти два года, так что все плавно двигалось к маршу Мендельсона, белому лимузину и Дворцу бракосочетания.

— Я не могла им так сказать, поскольку у меня нет жениха, а только поклонники, — вывернулась из его объятий Анастасия, и он в очередной раз залюбовался ее округлыми аккуратными формами и стройными ножками.

На Насте сегодня было весьма вызывающее красное платье, которое не столько скрывало, сколько открывало все ее достоинства.

«Поженимся — запрещу ей подобные вульгарные наряды», — решил Кирилл.

— Ну что, мы идем?

— Разумеется. Давай сначала цветы в воду поставим, — засуетился Кирилл. — Только вот куда? У меня такой большой вазы нет.

— Поставь в ведро — и дело с концом, — легкомысленно распорядилась Настя, любуясь кулоном, который уже успела надеть.

— О, женщины! — простонал Кирилл и пошел за ведром.

Глава 2

16 июля 2017 г. Санкт-Петербург

— Сюда, Станислав Дмитриевич, — торопливо показывал начальству дорогу старший лейтенант Рюмин. — В этой квартире.

В типовой бедно обставленной однушке среди вывернутых ящиков, распахнутых шкафов и наваленного горой тряпья посреди комнаты на полу лежал парень на вид не больше тридцати в черных джинсах и черной футболке. С колото-резаной раной в сердце и стеклянными неподвижными глазами.

— Уже выяснили, кто это? — глядя на убитого, спросил капитан Авдеев.

— Да, некто Кротов Виталий Андреевич, двадцати девяти лет. Квартира не его, снимал. Нашла тело мать. Он собирался к ним зайти с утра, она ему котлет нажарила, еще чего-то приготовила. А он не пришел и на звонки не отвечал. Родители убитого через три дома живут, ну мать и решила сама ему еду занести. Вдруг парень по делам уехал, не успел предупредить. Квартиру открыла своим ключом, а тут...

— Ясно. Где она?

— На кухне. С ней соседка убитого, корвалол принесла, сейчас отпаивает, — пояснил Рюмин.

— Хорошо. Пусть пока успокоится. Эксперты уже отработали?

— Да, только что уехали. Тело не выносили, вас ждали, — с легким укором проговорил Рюмин.

Станислав Дмитриевич сегодня ночевал на даче, на работу опоздал, потому что перед самым его отъездом из строя вышел насос, дом остался без воды. Пришлось срочно ремонтировать — оставлять жену с двумя маленькими детьми без водоснабжения было немыслимо, к тому же воскресенье, совесть надо иметь. Так что осматривать место происшествия пришлось лейтенанту Рюмину самостоятельно. Что где-то ему, безусловно, льстило, но накладывало определенную ответственность. А вот ответственности Рюмин не любил.

— Так что, выносить? — Еще раз уточнил он у задумавшегося начальства.

— Раз эксперты закончили, выноси, — кивнул капитан. — Со свидетелями что?

— Грязнов с участковым соседней опрашивают.

— Чем занимался покойный, известно? — осматривая комнату цепким взглядом, спросил Станислав Дмитриевич.

— Вот с этим сложнее. Официально нигде не работал. Мать что-то темнит. Похоже, знает, но почему-то помалкивает. — Криво усмехнулся Рюмин. — Пока я на нее не нажимал.

— Квартиру хорошо осмотрели?

— Да. Никаких следов наркоты нет. Но обнаружили какие-то старые пуговицы, булавка вроде старинная, портсигар, тоже вроде старый. На вид не особо ценный. В телефоне покойного есть фотографии надгробий. Похоже, он был черным копателем, — неуверенно предположил Рюмин. — Или черным археологом. Не знаю уж как точнее. Но ни-

каких ценностей или инструментов в квартире мы не обнаружили.

— Надо хорошенько изучить телефон покойного, опросить родных и разыскать приятелей, — составлял план действий капитан Авдеев. — Родные, кроме матери, у него есть?

— Да, отец и сестра старшая.

— Очень хорошо. Значит, так. Я пойду, попробую поговорить с матерью убитого, а ты помоги ребятам.

— Галина Федоровна, Виталий погиб, и ваш рассказ ему уже не сможет навредить, — выпроводив с кухни соседку, разговаривал с матерью погибшего Кротова капитан Авдеев. — А вот нам очень поможет отыскать его убийцу. Так что я вас очень прошу быть со мной откровенной, — заглядывая в глаза женщины, убеждал Станислав Дмитриевич.

Галина Федоровна, полненькая, замученная, с заплаканными глазами, смотрела на него испуганно и жалобно, явно не зная на что решиться.

— Галина Федоровна, кем вы работаете?

— Кассиром в гипермаркете, — настороженно ответила Кротова.

— А ваш муж?

— Мастером в автосервисе. У него хорошая работа в дилерском центре, вы уж туда, пожалуйста, не сообщайте, — разволновалась она.

— Ну что вы! И зачем? Я это для того спросил, чтобы вы поняли, что вы с мужем честные люди, вам бояться нечего. А сын ваш, даже если и занимался чем-то не совсем законным, все равно уже отвечать перед законом не будет, а вот его убийцы ответить должны.

— Хорошо. Только он мне не очень-то про свои дела рассказывал, — решила наконец-то Галина

Федоровна. — Это уж я сама подслушала, когда он еще с нами жил, ну и пару раз кое-какие вещи видела. Правда, не знаю точно, где он их брал и куда девал потом, — тоже.

— Ясно.

— Копали они что-то с приятелями. То ли в старых усадьбах, то ли еще где. Вроде у кого-то из его друзей штука такая была, которая металл под землей ищет. Вот они с этой штукой в выходные по пригородам разъезжали. Клады искали. Виталик тогда еще работал в салоне МТС. А потом вдруг уволился. Мы с отцом очень переживали. А он только отмахивался. А потом машину себе купил. Сам. Хоть и подержанную, но иномарку. Они вместе с отцом ее в порядок привели. А потом он от нас съехал. Стал квартиру снимать. А где деньги берет, нам не говорил.

— Может, сестра в курсе его дел?

— Да нет. Что вы! У них со Светланой очень разница в возрасте большая, да она и живет не с нами, а с мужем. Только по праздникам и видимся. Да вот иногда на выходные внуков подкинут.

— Все понятно. Но друзей вы его знаете? Имена, фамилии.

Галина Федоровна опять чего-то испугалась.

— Ой, а ведь и не знаю, наверное. Может, только старых его приятелей. С новыми-то он нас не знал.

— Хорошо, составьте, пожалуйста, список его знакомых, желательно с адресами и фамилиями, хотя бы с фамилиями, — попросил Станислав Дмитриевич. — Всех, кого вспомните, и сделайте пометки, где он с ними познакомился и когда. Если, конечно, знаете. Не торопитесь. Не вспомните сразу, я вам

оставлю свой номер телефона, позвоните, дополните. И вообще, любая новая информация, которая у вас появится, мало ли, его искать кто-то будет или позвонят, скажут, что он денег был должен, сразу же звоните мне.

— Итак, господа сыщики, что мы имеем? — удобно расположившись в рабочем кресле, спросил капитан Авдеев.

Станислав Дмитриевич был молод, энергичен, хорошо образован, элегантно одет, счастливо женат. Все в нем было гармонично, все, кроме работы. Работа и должность Станислава Дмитриевича вступали в открытое противоречие с его внешним обликом и внутренним миром.

— Стасик, объясни мне, ну как человек с высшим образованием, закончивший с отличием университет!!! Может работать в полиции? Как? — вопрошала его мать, страдальчески заламывая руки. — Среди хамов, грубиянов, среди людей с низким уровнем интеллекта, с сомнительными моральными устоями. Каждый день видеть трупы, общаться с отбросами общества, копать в грязи. Я не понимаю!

Объяснить маме что-либо было невозможно, поэтому Стасик и не пытался, предпочитая отмалчиваться. Не дождавшись ответа от любимого сына, мама обращалась к невестке.

— Лена, хоть ты мне скажи, ему скажи! Ведь сколько раз ему предлагали перейти на работу в адвокатскую контору. В лучшие фирмы города звали. С его опытом и связями ему бы цены не было!

Лена мужа прикрывала, объясняя маме, что он обязательно так и сделает, но чуточку попозже. Она

его обязательно уговорит. Стас был ей благодарен, особенно за то, что она его никогда не уговаривала. Еще до свадьбы они обсудили вопрос его работы и больше к нему не возвращались. Лена поняла и приняла.

Нет, она не была идеальной женой, всепрощающей, терпеливой и всем довольной. Она ругалась, когда он поздно возвращался домой, когда забывал купить хлеб или подгузники или вместо того, чтобы погулять в выходной с ребенком, мчался на работу, но поменять эту самую работу не заставляла.

— Итак, что мы имеем? — повторил свой вопрос капитан Авдеев. — Докладывай, Рюмин.

— Виталий Кротов, по свидетельству экспертов, был убит с десяти до двенадцати часов утра, ближе к одиннадцати. Ударом в сердце тонкого колюще-режущего предмета, подробнее все изложено в заключении эксперта. Орудие убийства не найдено. После убийства квартиру тщательно перетряхнули, очевидно, что-то искали. Нашли или нет, неизвестно. С отпечатками пальцев эксперты еще работают. Но похоже, что сам убийца работал в перчатках. Опрошенные свидетели в утро убийства ничего подозрительного не заметили. Дом большой, высотный, относительно новый, соседи друг друга знают плохо. Многие квартиры сдаются в аренду, — унылым речитативом докладывал Рюмин. — В общем, никто ничего не слышал и не видел. Смогли разыскать несколько приятелей покойного, большинство из них не знает, чем занимался Кротов, но один, Гаврилов Илья, говорит, что вроде бы Кротов раскапывал старые могилы, проще говоря, грабил. Покойный о роде своей деятельности распространяться не любил, но однажды сболтнул по

пьяни. Все знают, что у него был компаньон, один из друзей даже слышал, как Кротов называл его по телефону Лысым, настоящего имени пока выяснить не удалось. Постоянная девушка у покойного была, сейчас выясняем, как зовут, с родителями он ее не знакомил. Пока все.

— Молодец, есть с чем работать, — холодно заметил капитан, глядя на своего подчиненного равнодушным взглядом акулы, которого все в отделе очень боялись, ибо знали, что он не сулит ничего хорошего. Лучше бы наорал, отругал. Но Авдеев голоса повышать не любил. Ругаться тем более. И эта нетипичность поведения всех здорово нервировала. — Вы телефонные звонки Кротова за последние сутки проверили? Абонентов разыскали?

— Нет, — вжал голову в плечи Денис Рюмин. — Так ведь некогда же было, столько работы провернули, — попытался он защититься, заранее чувствуя безнадежность затеи.

— И каковы результаты ваших трудов? Версии? Улики? Подозреваемые? — с прежней презрительной холодностью поинтересовался капитан.

— Скорее всего, убили подельники, компаньоны. Видимо, не поделили добычу, — едва заметно пожав плечами, предположил Рюмин.

Сидящий тут же Никита Грязнов предпочитал отмалчиваться, прятаясь за спину старшего товарища.

— Добычу? Какую? Когда? С какими компаньонами? — Продолжал бомбардировать подчиненных короткими, четкими вопросами капитан.

— Плохо, старший лейтенант Рюмин. Очень плохо, — заключил он после продолжительного красноречивого молчания лейтенанта.

— Лейтенант Грязнов, проверить все телефонные звонки Кротова за последние двое суток до гибели. Выявить всех абонентов, представить распечатку всех СМС, мессенджеров и прочее, разыскать Кротова в социальных сетях. И ко мне с докладом. Рюмин продолжает работать со свидетелями и проверять свою версию. Завтра утром в девять у меня с результатами, оба.

— Есть, — отрапортовал, поднимаясь, Грязнов.

— И спи-отдыхай, — пробормотал себе под нос Рюмин. — Слушай, Никита, давай объединим усилия, — предложил он, едва выйдя в коридор. — Сейчас быстренько пробьем всех кротовских абонентов по базе, поделим их и вперед, а? А Авдееву я скажу, что я без телефона этих свидетелей отыскал.

— Денис, ты что, Авдеева не знаешь? Да он тебя в пять сек раскусит. Глянет в распечаточку звонков, пять минут нас с тобой послушает и все поймет. Нет. Мне лишние неприятности не нужны. Я уж сам со своей работой справлюсь, а ты лучше свою версию проверяй, — уклонился от предложения скользкий Грязнов.

— Предатель, — разочарованно протянул ему в спину Рюмин.

Но на судьбу сетовать можно было сколько угодно, а отвечать перед Авдеевым придется все равно, и спросит он жестко.

Авдеева многие недолюбливали, многие ему завидовали, но все уважали и считали крепким профессионалом. Начальство его жаловало. Считало образцовым сыщиком новой формации, этому способствовали манера одеваться, добротные деловые костюмы, модные рубашки и галстуки, стилистика речи, яркая, выразительная и лишенная всяческих

непристойных междометий даже в самые критические моменты, чему способствовали университет, папа — профессор консерватории и мама — известный концертмейстер. В кого уродился сам Станислав Дмитриевич Авдеев, оставалось только диву даваться. Мальчик с такой наследственностью! Довершали облик Авдеева острый ум, холодная расчетливость, последовательность и сыщицкое чутье. Единственным его недостатком была капризность. Он не любил скучных проходных дел. Всегда норовил их спихнуть на коллег, но такая капризность ему, как приме Следственного комитета, прощалась.

А потому Денис Рюмин тяжело вздохнул, подпоясал свои чресла и решительно двинулся выполнять оперативное задание.

— Чо надо? — распахнул Рюмину дверь здоровый лысый парень в растянутой майке, заношенных шортах, издающий одуряющий запах пота. — Квартирой ошибся, олух?

— Да нет. Похоже, что не ошибся, — лениво растягивая слова, проговорил Денис Рюмин, не спеша доставать удостоверение. — Мне Лысый нужен. Ты, что ль, будешь?

— А что, не похож? — усмехнулся парень, но тут же строго заметил: — Только кому Лысый, а кому и Александр Игоревич.

— Значит, не ошибся, — вдвигаясь в квартиру, удовлетворенно заметил Денис Рюмин.

Лысый закрыл дверь и с интересом потопал за гостем в комнату.

— Ты кто такой? — задал он очередной светский вопрос, бесцеремонно разворачивая Дениса к себе лицом.

— Я-то, — неторопливо ответил Рюмин, внимательно осматривая скромную обстановку и новый плазменный телевизор. — Мне подарок для бабы нужен, умные люди подсказали к тебе обратиться. Ширпотреб меня не интересует, нужна вещь, бабло имеется. Ну так как?

— Кто прислал? — напрягся Лысый.

— Прислал меня один солидный человек, а ему птичка сболтнула. Так что давай, вываливай, что есть. Если что понравится, возьму, — похлопывая себя по оттопыренному карману, пообещал Рюмин.

— Гм.

Лысый был явно озадачен. Вещей у него не было, их всегда забирал Крот. Он их оценивал и сбывал по своему усмотрению. У него были связи, денежные клиенты. И Лысый всегда был с этим согласен до последнего времени. А точнее, до тех пор, пока к Лысому не переехала Лерка и не принялась на правах гражданской жены совать нос к нему в кошелек.

Именно Лерка натолкнула его на мысли о неправильном дележе добычи.

— Между прочим, Сашенька, ты всю тяжелую работу на себе волочишь, а этот твой только руками водит да золото в мешок складывает. Падальщик! — сморщив хорошенький носик, говорила Лерка, усаживаясь к Лысому на колени. — Сашенька, неужели ты не понимаешь, — щекотала она ему ушко, а Лысый млел и пускал слюни от счастья. — Раз вы компаньоны, должны пополам делиться! Тем более сам подумай, сколько на тебе работы, этот белоручка без тебя не справится. Хочет дальше бабки зарабатывать, пусть делится по-честному.

И Лысый кивал и соглашался, а потом шел к Кроту, и тот на пальцах ему объяснял, что таких тупых любителей на халяву бабла срубить, как он, Лысый, на каждом углу десятков ошивается, а вот где это бабло срубить, знает только он, Крот. Так что пусть Лысый заткнется и валит на все четыре стороны, если ему что-то не нравится. И Лысый согласился и шел домой. А там его встречала Лерка, хорошенькая, как куколка, с длинными загорелыми ножками, круглой попкой и пухлыми губками, и все начиналось сначала.

Вследствие такого вот прессинга Лысый несколько раз за последнее время напивался. И даже, кажется, сболтнул в пьяном угаре, что имеется у него старинное золотишко или еще что-то в том же духе. Вот уже и результат его болтовни на пороге объявился. Лысый поскреб череп, соображая, как быть. В торговле антикварными украшениями он совершенно не шарил, но, с другой стороны, что тут сложного, коли деньги сами в руки плывут?

— Слышь, чувак, тебя как звать-то?

— Денис.

— Так вот, Денис. Есть пара колечек и кресты нательные. Тебе что надо?

— Лучше кольцо, — приободрился Рюмин.

— Ладно. Давай так. Оставь номерок, на днях созвонимся, и покажу тебе, что есть, заодно и о цене договоримся.

— На днях мне не надо. Мне сейчас надо. Что, насвистел про золото, а теперь думаешь, как выкрутиться, или кинуть меня решил? — набычился Денис, всем своим видом давая понять, что его не проведешь.

— Да нет. Не бойсь, — заулыбался Лысый. — Все по чесноку. Просто золотишко сейчас у напарника. Надо забрать, вот тогда и встретимся.

— У того, которого ты пришел вчера? — вцепившись в Лысого глазами, спросил старший лейтенант Рюмин.

— Чего? — то ли не расслышал, то ли недопонял Лысый, но на его простоватом лице даже тревоги не отразилось.

— У Крота, говорю?

— А ты откуда знаешь? — Вот теперь Лысый вскинулся не на шутку, только что за горло не схватил.

— Оттуда, что труп гражданина Кротова был найден нами вчера утром в его квартире, — доставая удостоверение, все так же лениво проговорил Рюмин.

Но теперь реакция Лысого была быстрой и резкой. Он вдруг мгновенно собрался, превратившись в огромный упругий мяч. И наскочив на Рюмина, кинулся к двери. Но Денис при всей его кажущейся ленивой расслабленности был к подобному фортелю готов, а потому ловко сделал Лысому подножку. Тот навернулся, а Рюмин, прыгнув ему на спину, защелкнул на парне наручники.

— Ну вот, Александр Игоревич, приятно познакомиться, старший лейтенант Рюмин, Следственный комитет. Вставайте и давайте побеседуем. Только, пожалуйста, без резких движений, — помогая Лысому подняться, ласково говорил Денис.

— Так что, гражданин Сидоренко, убили своего компаньона, ценности из разграбленной могилы себе присвоили и торгуете ими помаленьку? — усевшись напротив Лысого за кухонным столом, поинтересовался Денис Рюмин.

— Ничего у меня нет. И ничем я не торгую и Крота не убивал, — глядя на лейтенанта исподлобья, решительно проговорил Лысый. — И вообще не знаю, кто такой этот ваш Крот.

— А вот это глупо. Есть куча народа, который подтвердит ваше знакомство, — притормозил его Рюмин.

— Может, и знал, и что с того? Мало ли кого я знаю, что мне теперь, убивать всех подряд? Я не маньяк, — не спешил расколоться Лысый.

— Нет, конечно, — согласился с его заявлением Денис. — Ты не маньяк. А Кротова убил, потому что добычу не поделили. Что, мало отстегивал или заныкал особенно ценную вещицу? — внимательно наблюдая за Лысым, высказывал предположения Рюмин. — Или это ты заныкал, а Кротов принялся скандалить, вот и подрались?

— Да не дрались мы, и ничего я не ныкал, и он ничего не ныкал, и вообще я его уже пять дней не видел. И ценностей у меня никаких нет, — огрызнулся Лысый.

— Ай-ай-ай. Врать нехорошо. Ведь достаточно провести обыск, и все тайное тут же станет явным, — поцокал языком Рюмин.

— Блин, да хоть обыщись, — наглогато усмехнулся в глаза Рюмину Лысый-Сидоренко. — Все, что нашли, забрал Крот.

— Ах, все же ценности были, но их забрал Крот? — поймал его на слове Рюмин.

Лысый тут же нахмурился и замолчал.

— Да ладно, колись давай. Меня ваши делишки, которые проходят по статье двести сорок четыре и наказываются штрафом, не интересуют, — уговаривал ласково Рюмин. — Меня интересует убийство Крото-

ва, а где вы могилы потрошили, мне до лампочки. Так что я бы на твоём месте больше беспокоился, как бы за убийство не сесть пожизненно, а не о ваших мелких шалостях волновался.

На лице Лысого отразилась напряжённая работа мозга, кожа на лбу собралась в морщины толстыми складками, как у шарпея, он тяжело запыхтел, и Рюмину начало казаться, что он сейчас заискрит от перегрева. Но Лысый справился.

— Все находки забирал себе Крот. Он их оценивает и сбывает, а мне долю засылает. У него связи есть, — проговорил Лысый, а потом с вызовом добавил: — Так что общись. И Крота я не убивал. Зачем мне это надо?

— Тут все просто. Добро награбленное не поделили, — пожал плечами лейтенант.

— Нет. Сказал же уже. И вообще, я его уже пять дней не видел. А кстати, — оживился Лысый, — когда его убили? Может, у меня на это время твердое алиби есть?

— А какого числа виделись?

— Двенадцатого. Точнее, тринадцатого рано утром, как раз приехали из области. Он меня домой закинул около шести и уехал. С тех пор и не виделись, — охотно пояснил Лысый.

— И не созванивались?

— Нет, почему? Он мне звонил на следующий день, сказал, что на часть вещей вроде бы имеется покупатель, остальным, сказал, ещё будет заниматься.

— А что за покупатель, где он его нашёл, не говорил?

— Сказал, что у оценщика есть люди, которые интересуются. Он как раз от него вышел, сказал, что на днях перезвонит, — охотно рассказывал Лысый.

— А что за оценщик, откуда он его знает? Давно?

— Да вроде какой-то его знакомый. Они еще раньше до меня знакомы были. Учились, что ли, вместе? — Пожал плечами Лысый.

— Он что же, в антикварном магазине работает или Крот к нему на дом ездил, а может, он в музее трудится?

— Нет. Он ни в каком магазине не работает. Крот говорил, вроде ученый какой-то и что он Крота никогда не обманывает. Потому что не барыга какой-нибудь, а порядочный человек.

— Вот как? Порядочный? Ученый? Очень интересно, — заметил довольный Рюмин.

Эх, хорошо, что Авдеев настоял на том, чтобы Рюмин продолжил работу со свидетелями. Вон как оно все удачно обернулось, а информация Грязнова тоже пригодится, по ней они отыщут этого самого ученого оценщика.

— Значит, разговаривали вы с ним тринадцатого, — проговорил вслух Рюмин.

— Ну, да. Вроде.

— И что, с тех пор вас не беспокоило, что он пропал?

— Да нет. А что ему пропадать? Такие дела быстро не делаются, — пожал плечами Лысый. — И потом, четырнадцатого у бати день рождения был, мы праздновали, шашлыки, то-се. На следующий день, это воскресенье было, продолжили, а в понедельник у меня отходняк был, и ребята зашли пивка выпить, а

сегодня вы вот прикатили. А так бы я Кроту позвонил вечером. А может, завтра.

— Да, — протянул задумчиво Рюмин.

Лысый вел жизнь насыщенную, полную интеллектуальных утех, когда ему о приятеле волноваться? Только когда деньги закончатся. Вероятно, пока еще не закончились.

— Значит, пятнадцатого вы были на даче, праздновали?

— Ну, да. А что, его в воскресенье того? — обрадованно спросил Лысый.

— Гм. Кто кроме ближайших родственников может подтвердить, что вы были на дне рождения?

— Да кто угодно! Мы же на даче праздновали, так что соседи с трех сторон, батины сослуживцы, потом дядь Федя, племянник мой Андрей, Алка с Виктором. Потом еще Лерка, это жена моя, гражданская, — неизвестно зачем пояснил Лысый, — потом еще брательник двоюродный приезжал с семьей, как раз в воскресенье. Да тьма народу!

— Ясно. Ну а как звали оценщика, помнишь?

— Не-а. Да вроде Крот и не говорил никогда. Он вообще не болтливый был. Информацией не любил делиться. Говорил, что знания это сила, и помалкивал, — усмехнулся Лысый.

— А Крот всегда через него вещи толкал?

— Нет. У него были еще люди. А иногда даже в скупку относил или в магазин. Антикварный, — вспоминал Лысый. — Один раз даже на мой паспорт сдавали.

— В один и тот же магазин?

— Нет, всегда в разные. Говорил, что примелькаться не хочет. Но вообще, он не любил с магазина-

ми связываться, предпочитал через знакомых толкать. В крайнем случае через интернет.

— Гм. Имена, фамилии знакомых вы, конечно, не знаете?

— Откуда? Говорю, не любил он трепаться. Слушай, может, снимешь браслеты? Все равно же я не виноват? Надоело сидеть руки за спину, ни почесаться, ни закурить.

Рюмин браслеты снял.

— Ладно, давай имена, телефоны, кто твое алиби подтвердить может, — велел он, доставая блокнот.

Обрадованный Лысый достал мобильник и принялся диктовать телефоны.

— А вот тут у нас фотки, — протянул он Рюмину мобильник. — Можешь глянуть, все по чесноку.

С экрана мобильника на Рюмина смотрели красные довольные рожи со следами неумеренных возлияний на фоне соответствующего антуража.

Глава 3

9 мая 1918 г. Екатеринбург

— Павлуха, дома?

После громкого стука раздался в сенях чей-то грубоватый требовательный голос. А затем, пригнув голову, в комнату вошел загорелый, высокий, как всегда чуть насмешливый Ванька Скороходов, давний Павлухин приятель, с которым они познакомились еще пацанами на Злоказовском заводе.

— Здорово, — пристраивая в уголок винтовку, солидно поздоровался Ванька, протягивая руку. — Как поживаешь? Чего на заводе нового? С завода-то не ушел?

— Здорово. Да нет. Куда мне? — заваливаясь обратно на лавку, лениво протянул Павлуха. — Да и весело там сейчас. А ты чего пришел, по делу али так?

— По делу, — убрав с лица неуместную кривоватую ухмылку, проговорил Ванька. — Ты вот что. Не хочешь пойти в охрану, царя охранять? Деньги хорошие платят, и работа не пыльная.

— Я в охрану? Да ты че? Я же никогда...

— Да ты погоди, — остановил его Ванька. — Ты послушай. Я ж не в тюрьму тебя зову, — с досадой проговорил старый приятель, снимая с лохматых соломенных вихров выцветшую старую фуражку. — Людей у нас не хватает надежных. Понимаешь? Царевен завтра привозят, с бывшим наследником. Люди нам нужны. Я за тебя поручился. — Ванька смотрел на ленивое сонное лицо бывшего своего приятеля и все больше горячился. — Да ты пойми, несознательный ты элемент! Это ж государственной важности дело! Ты же рабочий человек, должен это понимать. Ну и потом, — чуть замявшись, добавил Ванька, — чай, не каждый день живого царя с царицей увидеть можно. То есть бывшего, конечно.

— А ты че, правда царя видал? — впервые с начала разговора оживился Павел, даже сядя на лавке от любопытства.

— А то! Видал, — снова кривовато заухмылялся Ванька. — Еще и не раз.

— И чего, какой он из себя?

— Да, такой какой-то, — пожал плечами Ванька, — обыкновенный. С тебя, наверное, будет, с бородой, усами, как на фотографиях. Несolidный какой-то. Говорит тихо, ходит в простой гимнастерке, в сапогах стоптанных, никакой важности. А вот царица,

та да, — с уважением добавил Ванька. — Та во такая вся, — показал он непонятное руками. — Прямая вся, высокая, как глянет, так сердце в пятки. Ну, чистая царица! Хоть и старая уже. И голос у нее, и манеры важные, хотя мы ее и редко видим, у себя все сидит с мигренью какой-то. Доктор возле нее так и вьется. А еще с ними великая княжна приехала, тоже бывшая. Мария. Ну, я тебе скажу, брат... — мечтательно закатил глаза Ванька.

— Что, красивая? — Еще больше заволновался Павел.

— Ужас до чего. Вся из себя ладная, высокая, румяная, глазищи — во! И с нами не задирается. Когда их с Николашкой гулять водят...

— С кем?

— С царем бывшим. Это у нас так в охране его называют. Ну, всякие там, за глаза, конечно. А так Николай Александрович. Гражданин Романов, — объяснял Ванька, жутко гордый своей осведомленностью в столь важных и секретных вещах. — Только ты это, — спохватился он, — это все секретно! Я тебе только потому рассказываю, что в охрану зову. У нас там знаешь кто главный? Авдеев, слесарь с нашего Злоказовского. Помнишь его?

— Помню. Дрянь-человек, — сплюнул на пол Пашка, снова теряя интерес к делу.

— Ты давай не заговаривайся! Он теперь знаешь, о-го-го, — остановил его Ванька. — И вообще. Харчи, довольствие денежное — что надо, и работа не пыльная. А обстановка вокруг города сам знаешь. Так что проявляй свою пролетарскую сознательность и не выкобенивайся.

Так Павлуха, Павел Михайлович Лушин, оказался в том самом доме особого назначения. Приземистом,

двухэтажном, похожем на лабаз каменном доме, стоящем на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка.

— *Из наших, говоришь, заводских? — С прищуром разглядывал его Авдеев при первой встрече. Неряшливый, с помятым лицом и красными мутноватыми глазами, но важной неспешностью в голосе и солидной основательностью в движениях. — Кого охранять будем, знаешь?*

— *Знаю, — с вызовом и неприязнью глядя на Авдеева, протянул Павлуха.*

— *То-то. К городу рвутся чешские соединения, белогвардейская контра наступает, да и у нас тут не все спокойно. Революционные массы требуют казни тирана, а бывшие царские прихвостни плетут заговоры по его освобождению. — Подняв вверх чумазый указательный палец, разглагольствовал Авдеев, пока Павлуха с тоской разглядывал заплеванную, с неубранной кроватью в углу, с заставленным всяким хламом и обедками столом комендантскую. — Так что, товарищ Лушин, готовы вы в этот опасный момент взять на себя пролетарскую ответственность за судьбу кровавых злодеев, пивших долгие годы народную кровь?*

— *Готов. А жить где придется, здесь али на квартире? — почесав за ухом без всякого осознания момента, спросил Павлуха. Не любил он этой трепотни. Вот не любил, и баста. Потому и на митинги не ходил, устал от горлопанов. Сперва, конечно, нравилось, даже дух захватывало, до чего говорят смело да бойко, а потом наскучило. И сейчас стоял и от скуки заусенец отгрызал.*

— *Ладно, — солидно кивнул Авдеев. — Жить будешь напротив, на казенной квартире. Выдайте бойцу оружие и обмундирование да покажите здесь все. А уж на*

дежурство завтра заступишь. Сегодня у нас день важный, — напоследок заметил Авдеев и махнул рукой, чтоб убирались, значит.

— Мошкин, Василий Прокопович, заместитель коменданта, — протягивая руку, представился невысокий крепенький мужичонка в черной кожанке, ждавший их в коридоре. — Пойдем, покажу, что ли. Тута за энтой вот дверью семейство обретается. Здесь, значит, комендант. Ну, ты видал уже. Рядом караульная. А здесь знаешь что? — хитро сощурился, спросил у Павлухи Мошкин. — Ватерклозет.

И убедившись по Павлухиному невыразительному лицу, что тот ни хрена не понял, пояснил.

— Уборная барская. Загляни, небось не видал такого. — И он широко распахнул дверь.

Павлуха такого и впрямь не видал. Все в белом кафеле, посреди комнаты ваза белая, а в сторонке такое же белоснежное корыто и краники к нему, видно, чтоб воду подавать. Это Павлуха сообразил.

— А посудина эта белая для чего? — чуть смущаясь, спросил он, тыкая в сторону ватерклозета.

— Хм, — довольно ощерился Мошкин. — Уборная и есть. Сюда, значит, дела делаешь, а потом вот дергаешь, — он дернул за цепочку, и самым неожиданным образом откуда непонятно с громким журчанием выплеснулась вода. — О буржуйские замашки! Теперя сюда все ходют — и караул, и семейство. Все равны. А тута они моются, — указал он уже без всякого интереса на ванну и снова вышел на лестницу.

— На первом этаже караул живет. Латыши. Ты будешь напротив квартировать, в доме Попова, вона через улицу. Скороходов, покажешь. — Ванька согласен кивнул. — Вот так, — спускаясь по лестнице мимо

вооруженных винтовками и гранатами часовых, — продолжал Мошкин. — С ребятами завтрава познакомишься, а переезжать надо сегодня. Ладно, бывай. Проводите до ворот, и чтоб у меня! — грозно рыкнул он на прощание.

— Ну чего, как? — тихонько спросил Ванька, когда они вышли на улицу.

— А чего Авдеев про важный день говорил, чего у них там сегодня? — с любопытством спросил Павлуха, разглядывая с улицы высоченный дощатый забор, недавно возведенный вокруг дома.

— Да говорил же я тебе: дочери ихние приезжают и наследник, — тихонько тянул Скороходов Павлуху прочь от дома. — Ты давай перебирайся сегодня, а я тебе комнату покажу пока. Со мной жить будешь. Комната хорошая, окнами прямо на дом выходит, и до службы опять же два шага. Самое главное в нашем деле — это по городу не болтать. И вообще, пореже отлучаться. А то небось знаешь, что такое ЧК?

— Знаю небось, — передразнил его Павлуха, моментально теряя интерес к дому.

— Но ты не дрейфь!

Не спалось Павлухе в эту тревожную майскую ночь, наполненную сырой свежестью тающих снегов, пронзительную вздохами и стонами ветра в голых деревьях под окном. Все вертелся он на кровати, прислушиваясь к шорохам, скрипам незнакомого дома, к едва слышному похрапыванию приятеля своего Ваньки Скороходова. Не спалось ему от непривычности места и от жуткого любопытства. Как оно там, в Ипатьевском доме? Спят ли?

Княжны приехали вчера ближе к полудню, он как раз вещички свои в дом Попова перетаскивал. Его, правда,

задержали на углу, пока они из пролеток не выгрузились, но он все ж хоть и издал, но поглядел. Хм. Барышни как барышни, одеты скромно, и наследника видел как на руках несли. А завтра его первое дежурство. Павел еще раз перевернулся с боку на бок, тихонько приподнял занавесочку, крохотную такую щелочку сделал и сразу же опустил. Вокруг того дома вдоль забора чуть не кажный метр по часовому с ружьем и бомбой. А ну как метнет? Ванька говорил, что приказы у них самые строгие: чуть что — сразу огонь. А в доме все одно, окон не видно, да и замазаны они известью, чтобы пленники в окна не пялились и на них чтобы не таращились. Хотя куда там, за таким-то забором?

И заснул он крепким, молодым сном, отложив до утра все волнения и заботы.

Из дневника Николая II:

«10 мая. Четверг.

Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию, и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 часов ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности. Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. Днем вышли минут на 20 в сад, было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать».

Глава 4

17 июля 2017 г. Санкт-Петербург

— Хорошо, Рюмин. Очень хорошо. С Лысого возьмете подписку о невыезде. Давайте список вещей, которые они раскопали в ночь с двенадцатого на тринадцатое, — протянул руку капитан Авдеев.

«Блин! Ну что за человек этот Авдеев, вечно найдет, к чему прицепиться. А ведь так хорошо все начиналось», — пригорюнился Рюмин, чувствуя себя последним ослом.

— Что, нет списка? — убирая руку, разочарованно поинтересовался капитан. — Старший лейтенант Рюмин, озвучьте, пожалуйста, еще раз, какую версию вы разрабатываете? — тоном преподавателя попросил Авдеев.

И Денис Рюмин тут же почувствовал, что зачет ему не сдать. Дежавю.

— Версию, что Кротов с компаньоном не поделили добычу, вследствие чего Кротов был убит компаньоном, — уныло проговорил Рюмин, наверняка зная, что уже засыпался.

— А какую добычу не поделили компаньоны? — тем же вкрадчивым тоном спросил капитан Авдеев.

— Ту, которую выкопали в ночь с двенадцатого на тринадцатое, — с видом проштрафившегося школяра ответил Рюмин.

— А что они выкопали в ночь с двенадцатого на тринадцатое? — продолжал занудно выяснять капитан.

Не мог сразу же обозвать идиотом и сказать, что только последний осел не составил бы список изъятых из могилы ценностей. Издевается.

— Не знаю, — сердито буркнул Рюмин, краем глаза поглядывая на довольно ухмыляющегося Грязнова. «Погоди, Никитушка, и твоя очередь придет», — пообещал мысленно Денис.

— Не знаете, — повторил за ним Авдеев. — Плохо, — огласил свой вердикт капитан.

Перезачет. Добавил про себя Рюмин.

— После совещания отправитесь к Лысому, Сидоренко, и составите подробный список, желательно с описаниями предметов, — распорядился капитан. — Алиби Сидоренко проверить самым тщательным образом. Докладывайте, Грязнов.

Никита заерзал в кресле, выпрямляя спину, и, расправив перед собой бумаги, приступил к отчету. «Подхалим несчастный, — зло заметил про себя Денис, вырядился в такую жару в костюм, к начальству подлизывается». Сам Никита предпочитал свободный стиль в одежде. Например, футболку и слаксы.

— Значит, так, Станислав Дмитриевич, вот распечатка всех звонков покойного начиная с одиннадцатого числа. На всякий случай взял с запасом, — пояснил Никита с самым серьезным видом. — Входящие, исходящие, СМС, здесь трафик, вот тут распечатка с паспортными данными всех абонентов. Отдельно список его контактов в алфавитном порядке с паспортными данными.

Выкладывая информацию, Грязнов только что не светился от самодовольства, как лампочка Ильича. А чем гордится-то? Чем? Тем, что смотался в компанию-оператора и, тряся корочкой, потребовал у девицы распечатку? А сам в это время кофеек попил из автомата. Экий подвиг! Но Денис явно недооценивал объективность своего начальства.

— Хорошо, — неторопливо просматривая распечатки, проговорил Авдеев. — Кого из списка абонентов Кротова вам удалось проверить, скажем, за период с двенадцатого по пятнадцатое июля?

— Я... Это я...

Авдеев смотрел на подчиненного внимательным невыразительным взглядом, вежливо ожидая продолжения.

— Я... В день убийства, — нашелся наконец Никита Грязнов, — ему несколько раз звонила мать. — Он быстренько порылся в своих бумажках и достал нужный листок. — Вот, сперва был входящий вызов, а потом после часа дня несколько непринятых. Очевидно, Кротов уже был мертв.

— Очевидно, да, — холодно согласился капитан.

— Так это и эксперты еще вчера установили, — тихо, куда-то в сторону заметил Рюмин, стараясь сдерживать самодовольную ухмылку, за что тут же получил яростный взгляд Грязнова.

— Дальше, — прервал их безмолвную пикировку капитан.

— Дальше звонила некая Вероника Крылова, очевидно, девушка покойного Кротова. По сути, это единственная женщина, кроме матери, которая звонила ему за последние дни. И возраст подходящий.

— Так это девушка Кротова или вы предполагаете, исходя из распечатки?

— Я так предполагаю, — после секундной паузы вынужден был признать Грязнов, врать капитану было опасно. Все равно в угол загонит, так уж лучше сразу.

— Какие еще сведения вы сумели раздобыть? — без всякого намека на издевку поинтересовался ка-

питан, отчего его вопрос прозвучал еще неприятнее. Уж лучше бы сразу обозвал ленивой скотиной, и дело с концом!

Но Станислав Дмитриевич Авдеев никогда не обзывался, даже в детстве. Бессмысленным оскорблениям личности он предпочитал доходчиво и аргументированно объяснить, почему эта самая личность не права, чтобы впредь она этих ошибок не совершала. Но личности, особенно подчиненные ему личности в следственном комитете, отчего-то не ценили тонкого педагогического подхода своего начальства, а, напротив, предпочитали грубые примитивные оскорбления.

Станислав Дмитриевич огорчался. Но принципов своих не менял.

— Значит, так, уважаемые коллеги, — это, казалось бы, вежливое, корректное обращение было воспринято проколовшимися лейтенантами как очередное издевательство, — надо в кратчайшие сроки ликвидировать все недоработки. Рюмин, вы уже получили задание, можете приступать. Грязнов, вам необходимо встретиться с родителями покойного Кротова, предъявить им список, собрать максимум информации о значащихся в нем абонентах. Вы, Рюмин, также возьмите с собой экземпляр распечатки и покажите Сидоренко, возможно, он кого-то сможет опознать. Непосредственно с абонентами в контакт не входить, за исключением этой самой Вероники Крыловой. Нам нужен оценщик, точнее, не оценщик, а ученый! Расспросите аккуратно родителей Кротова, кто из знакомых покойного имеет высшее образование в интересующей нас области: искусствоведение, история. Действовать надо осторожно, ни в коем случае не спугнуть его раньше времени. Задача ясна?

— Так точно, — в один голос отрапортовали лейтенанты и поднялись со своих мест.

— Свободны. Завтра в двенадцать с отчетом у меня, — распорядился Авдеев, взглянув на часы.

— Гм, — пробубнил, закрыв дверь начальственного кабинета, Грязнов. — А спать, есть и жить нам не надо?

— Чего тебе жаловаться? Прокатишься на метро до «Озерков», а мне вот в Гатчину тащиться. Знаешь, какие сейчас на шоссе пробки? — со вздохом одернул его Денис.

Теперь, когда два молодых самоуверенных разгильдяя покинули его кабинет, должным образом наставленные на путь истинный, Станислав Дмитриевич смог наконец снять пиджак, расслабить галстук и закатать рукава рубашки. При подчиненных он себе подобной вольности никогда не позволял. Начальство всегда должно быть собранным и безупречным, только тогда оно может требовать того же от подчиненных.

Хочешь требовать с других, начни требовать с себя. Этот и прочие жизненные принципы Станислав впитал в себя с детства, сперва от бабушки, происходившей из древнего рода князей Алабышевых, а затем от отца, профессора консерватории и просто глубоко интеллигентного человека, которого он уважал и чьим мнением очень дорожил.

Отослав подчиненных, Станислав Дмитриевич снял пиджак, распахнул окно в надежде на вечернюю прохладу, удобно расположился в кресле и принялся думать.

Итак. Все в деле указывает на личность некоего оценщика. И скорее всего, с вероятностью в... ска-

жем, девяносто процентов, так оно и есть. Стас взял распечатку телефонных звонков за тринадцатое июля, именно в этот день Кротов, по словам Сидоренко, встречался с этим самым оценщиком.

Вот звонок Кротова Сидоренко в четырнадцать сорок пять. Значит, у оценщика он был раньше. Что ж, в этот день звонков у Кротова было не так уж и много. С утра он звонил матери. Затем той самой Веронике Крыловой, которую, судя по всему, действительно можно считать девушкой погибшего, и остается еще два звонка. Некому Ивану Фомину и Кириллу Трифонову. Вот их-то проверить и надо.

Разумеется, все эти несложные выкладки он мог бы произвести и в присутствии Рюмина с Грязновым, но у капитана Авдеева было неписаное правило: кто не умеет работать головой, тот работает ногами. «Ничего, молодые, пусть побегают», — вздохнул Станислав Дмитриевич, закидывая руки за голову и беззаботно крутясь в рабочем кресле. А вот ему пора на заслуженный отдых, к жене и детям. «Вот только стоит, пожалуй, навести справки о Фомине и Трифонове. И на дачу! Главное — выскочить из центра, а уж там — педаль в пол и полетели, если повезет, через час буду дома, — довольно улыбаясь, размышлял Стас. — По полицейской части оба субъекта не проходили. Придется порыться в соцсетях. Для начала отыщем страницу покойного Кротова, оттуда и начнем».

Страница Кротова «ВКонтакте» отыскалась быстро, там нашлась и страница Ивана Фомина. На интеллектуала парень не тянул, среднее незаконченное, вынес свой вердикт Станислав Дмитриевич. Просмотрев страницу внимательно, он пришел к выводу, что парень, скорее всего, занимается загородным домо-

строением, должность не выше прораба. А возможно, просто шабашит на частных заказах.

А вот Кирилла Трифонова «ВКонтакте» не обнаружилось, точнее, их было много, но ни один не отвечал требованиям капитана. Что ж, стоит, пожалуй, попробовать дать запрос в Яндексе, набрав имя и фамилию, иногда такие простые действия давали неплохой результат. Кириллов Трифоновых выпало немало. Были тут частные предприниматели, аниматоры, диджеи, управляющие ресторанами, водители-дальнобойщики, стоматологи. Станислав Дмитриевич продолжал листать, пока его взгляд не зацепился за строчку «диссертационный совет».

— Ага! — Стас в предвкушении потер руки.

Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет. Бинго! Дальше дело пошло легко и быстро. Он набрал сайт университета, просмотрел личную страницу старшего преподавателя Трифонова, распечатал фотографию с сайта и с удовлетворением посмотрел на часы. Вся процедура поиска оценщика заняла у Станислава Дмитриевича менее получаса.

— Учиться, салаги, — пробормотал он себе под нос.

Кирилл Юрьевич Трифонов, двадцати девяти лет. Кандидат исторических наук, сотрудник университета. Приятное лицо. Сфера интересов: кандидатская посвящена шестнадцатому веку, затем интересы смещаются. Последняя монография посвящена государственной службе российского дворянства первой половины девятнадцатого века. Ордена Российской империи. «Как интересно! Ну просто-таки прикладная работа!» — усмехнулся Станислав Дмитриевич.

А вот теперь стоит подумать. Что же толкнуло успешного ученого, сотрудника университета на убийство? Жадность? Сложные жизненные обстоятельства? Шантаж? Если жадность — сколько должны стоить найденные Кротовым в могиле драгоценности, чтобы толкнуть успешного, небедного человека на убийство? Несколько миллионов? Несколько десятков миллионов? Второе вернее.

Нужен список находок. Эх, Рюмин, и чтоб тебе получше соображать, старший лейтенант называется. Теперь теряем время.

Было бы неплохо собрать заранее о Трифонове побольше информации, но так, чтобы не спугнуть. Станислав задумался. Кто из его знакомых по-прежнему связан с университетом? Впрочем, простая связь его не устроит, нужны выходы на истфак. Общие знакомые... К кому бы обратиться? Может, кто-то из маминых знакомых?

Поездка на дачу как-то само собой отошла на второй план и забылась. Станислав Дмитриевич сидел, погрузившись в собственные мысли, не замечая опускающихся на город сумерек.

— Точно! — Возглас капитана разорвал сонную тишину кабинета.

Станислав Дмитриевич несказанно оживился, достал мобильник и, пролистав несколько страниц записной книжки, нашел нужный номер.

— Олег Ильич? — произнес он подчеркнуто солидным официальным голосом.

— Да, слушаю, — отрывисто ответил Олег Ильич, очевидно, поглощенный каким-то важным делом.

— Вас беспокоят из следственного комитета Санкт-Петербурга.

Олег встал на паузу.

— Из следственного? Стас, ты, что ли? — проговорил наконец Олег Шишмарев обычным человеческим голосом, перестав изображать из себя загруженную делами звезду Петербургской коллегии адвокатов.

— Именно, — улыбнулся Станислав Дмитриевич.

— Ну, здорово. Рад слышать, — отозвался бывший однокурсник.

— Взаимно.

— Ты по делу или так, соскучился?

— Соскучился и по делу, — не стал юлить Станислав Юрьевич.

— Выкладывай.

— Однако, господин адвокат, вы напрочь лишены лирики. Хоть бы из вежливости поинтересовались, как мои дела, как жена, дети? — укорил приятеля Стас, поскольку в его планы входил отнюдь не короткий телефонный разговор, а... Впрочем, не будем забегать вперед.

— Ну, как жена, как дети? — настороженно спросил Олег.

— Спасибо, хорошо, на даче сейчас. А как твои? — с улыбкой проговорил Станислав Дмитриевич.

— Спасибо, и мои хорошо. Слушай, что-то ты меня пугаешь. Тебе что надо, а? — потребовал объяснений Олег.

— Ты извини, конечно, за бестактность, — приступил к делу Станислав Дмитриевич, стараясь проявить максимальную тактичность. — Но ты все еще на Лиле женат?

— Чего?

— На Лильке, спрашиваю, женат? Не развелся? — погромче и поконкретнее спросил Станислав Дмитриевич, отбросив политесы.